

Утопленная книга

*Размышления БАХАУДДИНА, отца РУМИ,
о небесном и земном*

Валад Бахаутдин

**Утопленная книга. Размышления
Бахауддина, отца Руми,
о небесном и земном**

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Бахаутдин В.

Утопленная книга. Размышления Бахауддина, отца Руми, о
небесном и земном / В. Бахаутдин — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-033-7

Эта книга знакомит читателя с рукописью, известной как «Маариф». Она написана Бахауддином Валадом (1152—1231), отцом поэта-мистика Руми. «Маариф» — это собрание духовных наитий, вопросов и ответов, бесед с Богом, комментариев на стихи Корана, рассказов, стихотворных строк, откровений, медицинских рецептов, памяток по садоводству, записей снов, шуток, эротических эпизодов и мыслей по разным поводам. Эти многослойные залежи мистического «перегноя» — благодатная почва для внутреннего роста читателя.

ISBN 978-5-91051-033-7

© Бахаутдин В.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

«Маариф» Бахауддина	6
Заметки о переводе и версиях «сэма»	13
Рукописи	18
Книга первая	20
Маариф 1:1	20
1:2—3	21
1:4	22
1:8	23
1:10	24
1:14—15	26
1:27—29	27
1:29	28
1:34—35	29
1:42	30
1:49—50	31
1:52—53	32
1:62—63	33
1:64—65	34
1:66	35
1:82—82	36
1:89	37
1:92	38
1:103—104	39
1:110—111	40
1:116	41
1:128—129	42
1:129—130	43
1:130	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Утопленная книга. Размышления Бахауддина, отца Руми, о небесном и земном

Для отцов, взросления и освобождения от узанного

«Маариф» Бахауддина

Эта книга знакомит читателя с рукописью, известной как «*Маариф*»¹. Она написана Бахаудином Валадом (1152—1231), отцом поэта-мистика Руми. «*Маариф*» – это собрание духовных наитий, вопросов и ответов, бесед с Богом, комментариев на стихи Корана, рассказов, стихотворных строк, откровений, медицинских рецептов, памяток по садоводству, записей снов, шуток, эротических эпизодов и мыслей по разным поводам. Эти многослойные залежи мистического «перегноя» – благодатная почва для внутреннего роста читателя.

За исключением Шамса Тебризи, ближайшего друга Руми, никто не имел такого влияния на поэта в плане формирования сознания, как его отец. «*Маариф*» упоминается в одной из легенд о встрече Руми и Шамса. Руми беседует с учениками у фонтана в Конье. Дневник Бахауддина лежит раскрытым на бортике фонтана. Шамс прерывает беседу и сбрасывает в воду драгоценную рукопись и другие книги.

– Зачем ты это сделал? – спрашивает Руми. – Ведь это единственная копия рукописи отца.

Шамс в ответ:

– Настало время облечь жизнью прописи и слова. А хочешь, я верну книгу? Сухой? Смотри.

И он достает из воды список. На нем – ни капли воды.

Итак, пробуждение Руми случилось в точке встречи мощных влияний Шамса и Бахауддина, хотя последние сами никогда не встречались. Бахауддин умирает в 1231 году, до встречи Шамса с Руми в 1244 году. Эти двое – страстные, до дерзости, своеобразные мистики. Они проникновенно и пылко толкуют дружбу с божеством. Не будучи поэтом, Бахауддин высекает «ослепительно сияющие, боговдохновенные глыбы персидской прозы, пассажи, причудливая чувственная образность которых передает накал его любви к Богу» (Анна-Мария Шиммель). А речи Шамса буквально насквозь пропитаны пылким вызовом, непримиримостью и насмешкой². Оба они страстно жаждут еще большей близости и внутренней подвижности в присутствии.

В *Беседе 10* Руми рассказывает случай, когда к его отцу пришел чиновник, занимающий высокий пост. Бахауддин говорит ему, что не стоило утруждать себя понапрасну.

«Разные состояния нисходят на меня. В одном состоянии я могу говорить, в другом – не могу. Иногда я способен выслушать человека и ответить ему, а иногда – нет. В иных состояниях я уединяюсь в своей комнате, чтобы никого не видеть. При большем погружении в Бога я полностью ухожу в себя и не в состоянии общаться. Так что вы рискуете, придя ко мне и рассчитывая на то, что я буду в состоянии вести беседу».

Бахауддин обитает в своей неистовой властной душе. Во всеуглубляющемся предании себя Богу он омывается, как растение – сезонными дождями. Он настолько не властен над собой, что даже не может сказать, когда будет способен дать совет или ответить друзьям. Он

¹ «*Маариф*» буквально можно перевести как «наставления», или «мысли», либо использовать эзотерический смысл слова, что мы и сделаем ниже. Текст выглядит как заметки, сделанные в уединении, с характерными обрывками и неожиданными начальными фразами в том или ином фрагменте. Здесь нет единого повествования и бытового многословия. Видный исследователь Руми Анна-Мария Шиммель (училась вместе с Джоном Мойном в Гарвардском университете, затем преподавала и в Гарварде, и в Университете Бонна; недавно скончалась) называет книгу *diarylike* – напоминающей дневник. Суфии предпочитают уединенность, немногословие на людях и сохранение определенной дистанции по отношению к социуму. В вопросах и утверждениях Бахауддина ощущается явное тяготение к подобной практике. Франклин Льюис говорит, что для суфийского наставника того времени не было чем-то необычным записывать для себя собственные внутренние состояния, при этом не намереваясь придать их гласности.

² См. новый перевод «*Макалата*» Уильяма Читтика в кн.: William Chittick. *Rumi and Me: The Autobiography of Shems-i Tabriz*. Louisville, K. Y.: Fons Vitae Press, 2004. – *Прим. англ. перев.*

всегда наедине со своей неукротимой внутренней жизнью. Его всеподчиняющая спонтанность в состоянии обескуражить любого посетителя. В этих строках каждый ощущает неотступный напор искренности. Как бы мы его ни характеризовали, ясно одно: Бахауддин всегда остается самим собой.

Еще один подобный случай. Как-то ученики Бахауддина застали его в состоянии восхищенности. Они пришли, чтобы вместе с ним совершить вечернюю молитву – а он даже не заметил их, оставаясь безмолвным и отсутствующим. Двое учеников сели возле мастера в надежде разделить с ним благословенное состояние. Другие повернулись в сторону Мекки и начали молитву с имамом. Хавджеги был среди последних. Во время молитвы его внутреннее око открылось и он увидел, что те, кто повернулся спиной к Бахауддину и лицом к Мекке, на самом деле отвернулись от божественного света, а те, кто сидел с Бахауддином в его самадхи, сгорают от страсти быть испепеленными этим светом – согласно божественному повелению «умри до того, как умрешь».

Бахауддин родился в 1152 году и умер в Конье в 1231 году. Его отец, Джалалуддин Хосейн, умер, когда Бахауддину было два года. Семейное предание гласит, что его мать за руку ввела мальчика в библиотеку, которая осталась от отца Хосейна, Ахмада аль-Хатиби. «Благодаря этим трудам меня отдали в жены твоему отцу. Прочтя эти книги, твой отец обрел то духовное знание, которое позволило ему занять столь почетное место в мире ислама». В этом роду книги были мощным духовным подспорьем, и для семьи было очень важно, что вспышка мистической пробужденности была инициирована женщиной. Благодаря такому заделу, Бахауддину суждено было стать «Владыкой людей знания», «Султаном мистического постижения»³.

В 1207 году, когда родился Руми, Бахауддин принимал участие в ожесточенных дебатах в Балхе, – эти споры бушевали, по крайней мере, столетие. Упрощая, можно сказать, что это была дискуссия между мистиками и философами, между полагающимися на духовное переживание и теми, кто принял доктринальное уложение и следовал ему.

Газали (ум. в 1111 г.), нападками на рационалистическую философию греческой ориентации, положил начало этим спорам. Бахауддин разделял взгляды Газали. Его главным противником был философ Фахруддин Рази. Оба они были друзьями правителя. Рази обвинил Бахауддина в притязаниях на верховную власть. Рассказывают, что правитель послал Бахауддину ключи от своей казны и корону. Бахауддин ответил, что власть над земным царством не для него и что он готов покинуть страну, чтобы пресечь слухи о подобных притязаниях. Видимо, как раз в 1212 году, когда Руми было пять лет, Бахауддин с семьей отправился в добровольное изгнание в Самарканд. Потом они вернулись в Балх, а в 1219 году вновь пустились в путь. Он пролегал через Нишапур, Багдад, Мекку, Дамаск, Ларанду и привел их в Конью. До отъезда из Балха Бахауддин произнес проповедь перед правителем при большом стечении народа и предрек разрушение города монгольскими ордами и уничтожение царской власти. Все это случилось в следующем, 1220 году.

Аллаудин Кайкубад из Сельджуков, просвещенный правитель области, известной как Рум, пригласил Бахауддина в Конью, где для него была построена школа. Спустя два года Бахауддин, духовный лидер общины Коньи, умер в возрасте восьмидесяти лет. Султан передал высокий пост его сыну, Джалалуддину. Руми тогда было двадцать четыре года.

Список «*Маарифа*» Руми – та самая утопленная книга – так и не был найден. Издание «*Маарифа*» Фурузанфара, осуществленное на персидском языке, с которым мы и работали, – это два тома общим объемом в девятьсот сорок страниц. Подборка, представленная

³ Рассказывают, что немало святых и ученых в Балхе одновременно увидели один и тот же сон: световидное существо облекло Бахауддина чином «*Султан уль-улама*» (см. фрагмент 1:188–189). Старшего сына Руми, Султана Валада, называли так в честь деда. – Прим. англ. перев.

здесь, дает лишь общее впечатление об обширном документе, который так любил Руми. Он столько раз читал его, что полностью вложил в свое сердце. Как-то он целую ночь напролет по памяти пересказывал *«Маариф»* своего отца, при этом один из его учеников записывал текст, а другой сушил у огня чернила на исписанных листах. Видный исследователь Анри Корбэн говорит: *«Маариф»*, обширное собрание мистических наставлений почтенного шейха Бахауддина, нельзя игнорировать, если мы хотим понять духовную доктрину его сына». Можно предположить, что книга отца была постоянным спутником Руми в течение тринадцати лет – со времени смерти Бахауддина до встречи с Шамсом. Шамс неоднократно уговаривал Руми отвлечься от слов Бахауддина – вплоть до того, чтобы не обращаться к ним даже во сне. Шамсу были открыты сновидческие состояния Руми.

В тринадцатом веке рукопись *«Маарифа»* была раритетом, существовало всего несколько копий, а Руми помнил весь текст наизусть. *«Маариф»* никогда не издавался для широкой публики и циркулировал как частный документ. С момента создания и до наших дней рукописи *«Маарифа»* никогда не «терялись», выпадая из обихода, как, например, свитки *«Мертвого моря»*, однако в течение нескольких веков они определенно оставались на полках библиотек не востребовавшими. Опубликован немецкий перевод⁴, но он не получил широкой известности, а теперь стал библиографической редкостью. А. Дж. Арберри включил двадцать фрагментов из *«Маарифа»* в свою книгу *«Аспекты исламской цивилизации, отраженные в аутентичных текстах»*⁵.

Возможно, некоторые из дневниковых заметок были значимы лишь для самого Бахауддина: не исключено, что таким образом он намечал темы для позднейшей разработки. К подобным материалам могут относиться памятки по садоводству, различные снадобья. Он не предполагал, что эти заметки будет читать кто-то еще. Другие фрагменты явно навеяны пророческим откровением, чем-то напоминающим изумительные главы, завершающие Коран, в которых выражены краткие вспышки откровений на определенные образы и процессы. В Коране эти суры называются *«Послеполуденное время»*, *«Заря»*, *«Смоковница»*, *«Сгусток»*, *«Звезда»*, *«Утро»*. В *«Маарифе»* можно найти и такие темы, как заживление раны, усвоение пищи, суть желания во всем желаемом. В одном месте (*«Маариф»* 1:151—153) Бахауддин в глубоком молитвенном состоянии просит Бога наделить его даром передачи священных текстов. Надеемся, что и нам удалось уловить и адекватно передать поражающую смелость этих фрагментов, повседневность других и колоритное разнообразие наиболее примечательных частей.

Главы книги Бахауддина сразу же поражают читателя удивительным проникновением в мир желаний. В молитве он просит, чтобы его желания были более пылкими. Когда энергия его желания возрастает, он ощущает в себе движение божественного. Этим он напоминает Уильяма Блейка: *«Энергия – это вечное блаженство. Вечность – это любовь к произведениям времени»*, – вот мудрость энергии по Блейку и Бахауддину. То, что питает тело, питает и душу. *«Без противоположностей нет прогресса»*⁶. Бахауддин часто искренне молится о том, чтобы его желания обострились. Под этим он имеет в виду жить телом, как можно более полно и сознательно. *«Лучше убить ребенка в колыбели, чем питать неосуществленные желания»*.

⁴ Fritz Meier. Baha’-I Walad: Grundzuge Seines Lebens und Seiner Mystik, Leiden: E. J. Brill, 1989. – Прим. англ. перев.

⁵ A. J. Arberry, Aspects of Islamic Civilization as Depicted in the Original Texts New York: A. S. Barnes, 1964, pp. 227 – 255. – Прим. англ. перев.

⁶ Цитаты курсивом приведены из изд.: Blake. «The Marriage of Heaven and Hell»: Complete Writings, edited by Geoffrey Keynes, Oxford: Oxford University Press, 1966, pp. 148 – 158. I Am Wind, You Are Fire. Boston and London: Shambhala, 1992, p. 32. – Прим. англ. перев.

Анна-Мария Шиммель отмечает «эксцентричную чувственную образность» дневника Бахауддина. Исследователь Руми Франклин Левис называет некоторые пассажи «психоделическими»⁷.

Мы бы отнесли эту особенность за счет отменного здоровья Бахауддина. Руми говорит, что форма сама по себе экстатична, что уже лишь осознание тела и чувства способно повергнуть в состояние чистого восторга. Бахауддин объясняет, что каждая форма осознанности несет в себе вкушение присутствия Бога и что нужно осознавать себя, используя для этого все дарованные нам возможности, – трансцендентные мистические видения, страхи перед великими мира сего, восторженные молитвословия, гнев и раздражение и даже – эпилептические припадки. Мы бы назвали Бахауддина мистиком «в соку», имея в виду, что ему по душе разные степени накала влюбленной человеческой осознанности. Бахауддин остро переживает сочное томление тела, достигающее кульминации в единении с Богом. Ему мил аромат человеческого общения и величие всего, что происходит в повседневности. Как-то утром он встал рано и собачий лай отвлек его. Собака лает в тринадцатом веке – а мы слышим это сейчас (1:381—382). Подробности сельской жизни семисотлетней давности остры и выпуклы в его описаниях.

Для Бахауддина важны незамутненность бытия и сила желаний, поскольку это путь более углубленно проявить божественное. Пульсация жизненной силы позволяет божественному присутствию проявиться в теле более активно. «Я был скрытым сокровищем, и Я пожелал быть узанным», – говорится в хадисе. Бахауддин говорит, что желание божества познать себя проявляется в силе нашего желания.

Вот один из наиболее поражающих примеров этого в «*Маарифе*» (1:337—339): Бахауддин описывает, как он проснулся утром, ощутив жгучее влечение к дочери судьи Шарафа. Она – одна из его жен, как и Биби Алави в аналогичном фрагменте (1:381—382), и тем не менее для своего времени, да и для нас, пожалуй, эти заметки поражающее откровенностью описание чувственного влечения. Профессор Фурузанфар, издавший «*Маариф*» в 50-е годы двадцатого века, позитивно оценивает выпуклость интимных откровений, отмечая их искренность и напряженность, но полагает, что подобная откровенность в устах выдающегося мистика граничит с безответственностью. «Нельзя забывать, что Баха Валад [Бахауддин] был выдающимся лидером мусульман. Он обучал учеников и проповедовал, а также был главным знатком закона и судьей по проблемам религии. Именно он наставлял своих многочисленных учеников в вопросах этикета и морали»⁸.

В такой открытости чувственному влечению мы, скорее, улавливаем силу искренности перед Богом, превосходящую привычные рамки морали. Бахауддин обнажает себя и собственную жизнь в исповедании своей веры. Он величествен в своей подлинности.

Название «*Маариф*» также может быть намеком на то, что рукопись была создана в состоянии *марифата*. Бава Мухайяддин⁹ часто упоминал четыре стадии просветления: *шариат*, *хакикат*, *марифат* и *суфийят*. *Марифат* – завершение всех стадий, *суфийят* – полное слияние. О *суфийяте* не оставлено никаких записей. Об этой области сознания ничего нельзя сказать, находясь внутри нее.

Марифат – гнозис, постижение Бога, знание, которое приходит от изначального света, даруемого человеческим существам. Говорят, что этот свет сосредоточен в центре лба. Концентрация на данной точке приводит к встрече с проводником души. *Марифат* – это вместилище бесконечного в личности, благодаря которому человек сливается с океаном и становится его волной. В этом состоянии нет дня и ночи, рождения и смерти, лишь чистая данность

⁷ Rumi: Past and Present. East and West. Oxford: Oneworld Publications, 2000, p. 85. – Прим. англ. перев.

⁸ Badi-uz-Zaman Furuzanfar. Maarif: A Collection of Preaching and Sayings of the King of the Erudies, Baha'uddin Muhammad Hosseyn Khatibi of Balkh Known as Baha'uddin, vol. 1. Tehran: Zahuri Books, 1974, pp. d-h (4–5). – Прим. англ. перев.

⁹ Бава Мухайяддин – наставник Колмана Баркса, умер 8.12.1986 г. Наилучшей его книгой является Bawa Muhaiyadeen. Questions of Life. Answers of Wisdom, vol. 1. Philadelphia: Fellowship Press, 1987. – Прим. англ. перев.

всего существующего. Отсюда частое упоминание цветов у Бахауддина. Знание цветов лишено субъектно-объектной двойственности. *Марифат* случается благодаря погруженности в присутствие, в целостность энергетического поля и его формы, цветение цветка и его аромат.

Марифат – это места встреч, где Руми и Шамс смотрят в лицо друг другу. Моисей на Синае просит Бога о лицезрении лицом к лицу, что говорит о его переходном состоянии от *марифата* к *суфийяту*. Примером такого состояния является и ночное путешествие Мухаммада и последний ужин Иисуса. Мы ощущаем то же самое в неустанном желании Бахауддина не просто встретить божество, но стать им. Об этом же говорит эпизод, когда Шамс бросает книгу отца Руми в воду, чтобы избавить друга от опоры на письменную мудрость.

Английское слово «мистицизм» имеет смутный и расплывчатый смысл, но ведь за ним что-то стоит. Самим мистикам становится неуютно от ярлыков и вообще от слов. Всемерно опираясь на непосредственный опыт, они говорят о вкушении и улавливании аромата того, что несказуемо. У Бавы Мухайяддина как-то спросили, как тот воспринимает жизнь. Он зачмокал губами, как сосущий грудь младенец. Мистики живут не по книгам и черпают свои знания не из книг. Это вкус и аромат, приходящие от присутствия и чувств. Они проникают нас так же, как мы – друг друга. «Таинство Бога изъясняет себя в том, как мы любим».

Руми сказал, что его отец «продолжил длинную череду глубоко мистических душ, которые из поколения в поколение представляли редкие и тонкие учения» (*Беседа 16*), – таинства, наилучшим образом передаваемые не стихами или словами, но посредством уединения и открытости присутствию, внутреннего собеседования, практики и интимного разговора по душам. Все это, вероятно, и привело к появлению подобной книги. Суфии – современники Бахауддина – полагали, что наиболее глубокая передача происходит не с помощью книг, а через присутствие.

Писанье совместно
творим мы губами
Под снегопадом
чистых сердцами¹⁰.

Бахауддин обрел большую известность в основном благодаря своим ежедневным беседам, где открыто критиковал правителя и его советника, влиятельного философа Фахра-э Рази. Известные богословы и образованные знатоки закона приходили издалека, чтобы послушать его. Такие беседы были наиболее действенным способом обнародования идей. Редкие, старательно скопированные собрания высказываний Бахауддина, «*Маариф*», являлись эзотерикой, предназначенной для глаз очень немногих, и до сих пор эти собрания почти недоступны Западу.

Руми сожалел, что ему пришлось поселиться в городе Конья в Руме (откуда и происходит прозвище Руми) – области Анатолии, находившейся под романским влиянием. Он жаловался на отсутствие там родов, подобных роду его отца, и потому ему (Руми) приходилось слагать стихи, чтобы развлечь слушателей. Он ощущал себя поваром, который, в отличие от своих гостей, не любит рубец, но вынужден брать в руки кишки, вызывающие у него отвращение, чтобы промыть их и приготовить блюдо, которое самому ему не по нраву. Так создавалась наиболее утонченная мистическая поэзия – деликатнейшее из всех когда-либо подаваемых к столу блюд.

¹⁰ Это двустишие без указания авторства приводит Бади-уз-Заман Фурузанфар в изд.: «Жизнь мевланы Джалал уд-Дина Мухаммада, известного как Моулави»: 4-е изд. Тегеран: Заввар Букс, 1982, с. 32. Насколько нам известно, эта биография Руми еще не переведена на англ. яз. – *Прим. англ. перев.*

В этом дневнике нас в первую очередь привлекают непринужденность и прямота, интимная непосредственность отношений человека и божества, Дружба, безместное, невыразимое присутствие, или «со-бытие» (*ма'ийят*), близость, струящаяся сквозь все существа. «С Тобой везде, где бы Ты ни был», – говорится в Коране (57:4), – и мы слышим необъяснимую, но реальную слитность местоимений¹¹. Н. Дж. Дауд говорит об этом феномене во введении к своему переводу Корана: «В одной и той же фразе Бог говорит о Себе то от первого лица множественного числа, то от первого лица единственного числа, то от третьего лица единственного числа»¹².

Также и Бахауддин в своем «*Маарифе*» свободно переходит от своего «Я» к божественному «Мы» (Корана) и вновь возвращается к «Я». Эта прозрачность и текучесть – часть вклада Бахауддина в мистицизм. Его записи отражают слияние отдельных «Я», древо голосов. Мы приветствуем это, принципиально снимая кавычки с цитат в его тексте. Практически все они убраны. В рукописи «*Маарифа*» тринадцатого века на *фарси* их нет. Выделение цитат появилось лишь в современном *фарси*. В любом случае мы ощущаем, что тайна того, кто говорит – и кому, – глубже, чем знание правил пунктуации. Видно, что Бахауддин, будучи то одним «Я», то другим (см. 1:277—278), и сам не знает, откуда исходят слова, кто именно их производит. Тайнство соприкасается с ним в тот миг, когда изъясняет себя – и остается вне слов. Друг помогает Бахауддину, они пишут текст совместно. Суфии говорят: Бог – в выдохе как видимый, внешний мир, бытие (текст), и во вдохе – как небытие, скрытые, незримые миры (вдохновение).

Бахауддин видится нам как точка схода многих пространств и линий, а не только как поэт, создатель оригинальных заметок или талантливый богослов, чьи блестящие образы высвечивают тьму пещеры незнаемого. Отмечая эксцентричную самобытность Бахауддина, мы должны отметить и другую, умеренную, возможно, более полезную сторону его заметок: это повседневная религиозная практика жизни того времени.

Эта сторона не превалирует в рукописи, но, чтобы оценить Бахауддина по достоинству, следует вчитаться в 1:150. Вот извлечения из этих заметок: «Значение поклонений вот в чем: мы сопротивляемся физическим влечениям, чтобы насладиться величием непроявленного... Либо ты находишься в сердце и душе и действуешь оттуда, либо твоя жизнь будет исходить из животной души, *нафса*, похоти и жадности – свойств того, что смертно и не склонно к принятию благодати Милосердного».

Мы хотели было опустить эту главку, решив, что перед нами просто изложение привычного подразделения на тело и душу, столь ненавистное Уильяму Блейку. На самом деле мы рассматриваем Бахауддина в терминах Блейка, пусть и в менее кардинальном варианте¹³.

Блейк полагал, что деление на тело и душу, подобное предполагаемому здесь, является источником жестокостей, подавления половой сферы и уничтожения радости. Мы согласны с этим, но есть и другая сторона. Человеческим существам действительно присущи похоть и ненасытность, жадность и лень, повинующиеся собственным, властным, не столь вечным побудителям. Следуя им, мы иногда доводим себя до состояния, которое никто уже не примет за дом души. Есть ошибки, их можно совершать, даже если мы слышим другие голоса – интуиции, души и сердца. Конфликт и подразумеваемые границы, что обозначены в данной главке, действительно существуют. Тело нуждается в строгостях, чтобы по-настоящему глубоко воплотить душу. Еврейский богослов и философ Абрахам Хешель пишет в книге «Бог в поисках человека»:

¹¹ With You wherever You are». В англ. языке «you – это и «ты», и «вы». Именно это слияние, одновременное свечение единственного и множественного числа в одном слове you и имеется здесь в виду. – Прим. рус. перев.

¹² N. J. Dawood, trans., The Koran (New York, Penguin, 1956), p. 1. – Прим. англ. перев.

¹³ Английский поэт Уильям Блейк (1757—1827); жил на шестьсот лет позже Бахауддина. – Прим. рус. перев.

«Мы не должны ни третировать тело, ни обожествлять дух. Тело – это основа, шаблон, закон; дух – внутреннее развитие, непосредственность, свобода. Тело без духа – труп, дух без тела – призрак»¹⁴.

Бахауддин может, и зачастую так и делает, обращаться к определенному человеку – в 1:150, которому очерченные религией рамки необходимы в качестве действенного ограничения, и потому истина может быть относительной. Тело и душа действительно сливаются в единстве постижения и желания, и, кроме того, существует божественная субъективность, способная проглядывать через линзу человеческого желания и обращать его в часть тайны.

Любовь Бахауддина к человеческой энергии в любой форме кажется нам необычайно привлекательной. Он, как и Уитмен, приемлет все, говоря, что мы масштабные и противоречивые существа, облаченные в безрассудные щегольские формы. Но он также владеет и клинком отрицания как некой гранью, открывающей нас духу иным путем. Оба подхода истинны, актуальны и необходимы. Они поддерживают друг друга. Мы уклоняемся от признания этого, но революционные высказывания Блейка, мудрые и тонкие, – еще не все снаряжение для путешествия. «Изобилие – красит». «Энергия – вечное блаженство», – говорит Блейк. Но не всегда. Есть законная доля бестолкового изобилия и энергий, которые определенно разрушают наше духовное сознание. Достижение равновесия между жесткой дисциплиной и покорностью – одна из важнейших загадок для человека, конечная цель жизни. Бахауддин обитает внутри этой задачи – как и многие из нас. Также следует подчеркнуть, что, будучи преданным мусульманином, он благоговееет перед Кораном. Он помнит весь Коран наизусть и щедро уснащает свой текст кораническими стихами. В одном месте он пишет: «Мне вспомнился стих из Корана, и хоть он не относится к теме, я приведу его». Подобная вдохновенность стихами Корана изумительна и неподдельна¹⁵.

Колман Баркс и Джон Мойн

¹⁴ Abraham Heschel. *God in Search of Man* (Philadelphia: Jewish Publications Society of America, 1959), p. 341. – *Прим. англ. перев.*

¹⁵ Цифры в тексте «Дневника» в круглых скобках – отсылки к *сурам* (стихам) Корана. Отметим, что Бахауддин редко приводит стих полностью. Он берет одну фразу или несколько слов, относящихся или даже не относящихся к ходу его мысли, и вписывает их по-арабски. – *Прим. англ. перев.* В русском переводе данной книги при цитировании Корана использовался также перевод М. Н. – О. Ослеанова. – *Прим. рус. перев.*

Заметки о переводе и версиях «сэма»

Уложить в слова мистическое знание невероятно сложно. То, что приходит через присутствие, слова выхолащивают и искажают. Еще печальнее переход к тому, что остается на листе, когда высыхают чернила.

Восемьсот лет пролегло между временем, когда эти глубоко интимные заметки легли на бумагу и вновь возродились на английском языке американцев, в публикации двадцать первого века. Пришлось преодолеть немало трудностей, но дело того стоило.

Работа проходила следующим образом. Джон Мойн выбирает и переводит с персидского на английский язык выдержки записей Бахауддина, дополняя перевод пояснениями, интерпретациями и минимальными изменениями, чтобы сделать архаичный язык и богословские термины доступными для рядового англоязычного читателя. Затем начинается процесс вторичного перевода, результат которого вы и будете читать. Это похоже на мистическую игру. Ее вел Колман Баркс. Заряжаясь образами и идеями, он пытался войти в состояние, близкое к присутствию. Когда это удавалось, перевод исходил не от ума, а из состояния души. Работа с мистическим текстом не сходна с методами науки. Это открытие в себе способности к внутренней сонастроенности с другими присутствиями, скорее, пылкая влюбленность, чем изучение. Вкушание яств, а не чтение меню. Тут нет места дословному, буквальному переводу. Наш труд представляет собой развертку, толкование, спонтанное видение того, что написано Бахауддином. Мистические упования на передачу.

Заметим, что Руми использовал дневник отца, например рассказ о четырех птицах. Бахауддин в нескольких фразах описал четырех птиц, что обитают в сознании человека («*Маариф*» 1:221—222). Он комментирует стихи Корана 2:260—262, где не сказано, что это за птицы. В Пятой книге «*Маснави*» Руми развивает мысль отца о необходимости убийства и возрождения птицы *нафса* с ее последующим преображением. Он вновь и вновь возвращается к этой теме, разрабатывая ее, вводя разные сюжеты и обсуждая множество возможностей. Утка настоятельной необходимости, павлин хвастовства, петух похоти и ворон маниакального накопительства. Можно сказать, что вся Пятая книга, ее четыре тысячи триста тридцать восемь строк – это разработка темы переплавки энергий желания в душевную крепость и сострадательность.

Работу Колмана с дневниковыми записями можно уподобить развертке, но это не такое расширение материала, которое наблюдается в просветленных взлетах у Руми.

Ниже приведен перевод Мойна («*Маариф*» 2:12) и повторный перевод той же главки Колманом Барксом. Материал выбранной главки разбит на девять частей. Мы выбрали именно эту главку для иллюстрации нашего рабочего процесса из-за нашего интереса к ее тематике и из-за того, что это наиболее показательный пример развертки, поскольку нам пришлось ввести некоторые детали, а также заключительный пассаж, который легко обнаружить, сравнив подстрочный перевод Джона Мойна и повторный перевод Колмана. В главке говорится о природе сэма, о ритуале слушания и воздействии музыки, речи и пения стихов и Писания – всего того, что обычно принято в кругу суфиев.

1. *Сэма* – слушание песен и произносимых слов под музыку – неприятно, если оно неритмично, и правильно, если оно ритмично.

Повторный перевод: В сосредоточенном слушании есть свой пульс. Без этого трепета оно мертво.

2. Точно так же не может быть приятна неблагозвучная речь.

Повторный перевод: Слова, музыка и движения во время сэма возникают и сменяют друг друга нестесненно – как фразы в дружеской беседе.

3. *Сэма* как кубок, что сыплет зерна речи в корзину уха. Если зерна гнилые – не стоит проклинать кубок.

Повторный перевод: Как зерна сеются из черпака – так песня сеется в корзину слуха. Могут попадаться и гнилые зерна, неуместные слова – но не кляни черпак.

4. Песни как сосуды различной формы и цвета – такие как Багдади, Самарканди, желтый, красный либо прозрачный.

Повторный перевод: Изделия стеклодува разнообразны: багдадские внутри налиты полупрозрачной желтизной, самаркандские – темно-красные, бухарские – округлые и прозрачные. То же и с сосудами музыки и поэзии: они должны отличаться элегантным разнообразием.

5. Акты пения и танца подобны удару грома. Длющиеся слишком долго, они умирают.

Повторный перевод: Стихи, произносимые под музыку и в такт движениям, должны действовать как весенний гром: удар, раскат, пауза, еще удар – и конец. *Сэма* никогда не затягивают.

6. Когда в песне нет искрометности, ее славословия – фальшь.

Повторный перевод: Если смех не присутствует в основе и в самой атмосфере этих встреч, если нет искрометного остроумия, способного и самое себя выставить на смех, в хвалебном славословии не будет истины, в восторженности – величия. Без юмора *сэма* ложится на душу тяжким и суровым бременем.

7. Человеческое тело подразделяется на части, и каждая часть довольствуется своим родом песни. Например, восприятие музыки внешним слухом отличается от внутренних (ментальных) ощущений, и эти два рода восприятия могут быть в разладе друг с другом.

Повторный перевод: У каждой части тела – свои музыкальные предпочтения. Каждая радуется *сэма* по-своему. Уши вбирают звук иначе, чем сердце. Слова и струнный аккомпанемент могут быть неприятны слуху – но радовать центр сердца. Или наоборот: нечто сладкозвучное может быть противным разуму души. Почки ненавидят, когда пальцы отбивают ритм. Постукивание раздражает их. А легким по душе все, что вытворяют пальцы.

Девять метафор да будут твоими проводниками в этих сессиях: это – пульсация заразительного ритма, оживленная беседа друзей, равномерное высыпание зерен из черпака, тонкое разнообразие изделий стеклодува, ощущение пиршества, весенний гром и смех за дверьми – простор ночи. Все элементы *сэма* должны быть сбалансированы и работать слаженно, как органы человеческого тела, – у каждого свое назначение и удовольствие, и все это несется вперед, увлекая за собой целостное человеческое присутствие, включая тело, сердце, душу и светозарный ум.

Мы воспринимаем эту главку как эмпирический комментарий наставника-практика. Нам интересно не столько буквальное воспроизведение наитий Бахауддина, сколько их развертка. Он говорит, на что должна походить атмосфера *сэма*. Во многих странах сосредоточенное совместное слушание сотни лет было излюбленной и изысканной практикой. Таким способом озвучивался поток божественного бытия, омывающий раскрытые сердца тех, кто желал вместить пустоту тростниковой флейты, и барабан, и звучащие струны слов и образов осознания. *Сэма* – это игра творца, движущегося внутри творения.

Общепринятое, традиционное *сэма*, практикуемое суфийскими братствами, стало одним из наиболее волнующих обрядов на планете. Проникновенным поминанием приоткрывшейся завесы [между мирами] в мистическом моменте встречи и разлуки Руми и Шамса. В четырнадцатом веке был создан труд «Свершения, познавшие Бога», обширная история Руми и его окружения, основанная на устных свидетельствах, она охватывает два поколения после смерти поэта. Афлаки описывает начало одной из встреч *сэма*, которую проводил Руми, так:

Бог – предельный, исступленный восторг. Кому не довелось пережить восторг, тот не знает. Я и есть тот самый исступленный восторг, я полностью

захлестнут им. Вера – предельная восхищенность и страстность. Здесь он [Руми] вскрикнул и начал сессию *сэма*¹⁶.

Мы чтим традицию, исходящую от этого духовного прозрения. В течение пятисот лет Запад оставался в неведении относительно персидских мистиков. Наконец Гете, Эмерсон, Уитмен и др. их открыли. В пятидесятые годы двадцатого столетия поэт Гари Снайдер (Gary Snyder) читал стихи Руми на океанском танкере. Так, через приоткрывшиеся двери начали доходить определенные сведения. Однако то всеобщее увлечение персидскими мистиками, что началось совсем недавно, – совершенно беспрецедентно. Руми даже был провозглашен самым читаемым поэтом в Соединенных Штатах, разумеется, после Шекспира и его поэтической вселенной. Но даже если Руми – третий, четвертый или двадцатый, то и такие факты просто поражают.

Эту всеобщую увлеченность, при всем разнообразии форм, с определенной долей условности можно назвать разновидностью *сэма*.

В Соединенных Штатах встречи *сэма* происходят без спонсорской инициативы каких-либо религиозных организаций. Сегодня никого даже и не удивит, что в театрах и церквях больших городов США – Хьюстоне, Бостоне, Вашингтоне, Каламазе, Болдере, Миннеаполисе, Санта-Фе, Луисвилле, Сиэтле, Миссуле, Чарльстоуне или Афинах (штат Джорджия) – вечером в четверг или в воскресенье тысяча человек сидят и два часа слушают мистическую поэзию (в основном Руми, Хафиза, Кабира) и музыку. Эти встречи не вызывают ощущения театрализованных представлений – скорее чувство интимного общения в состоянии созерцания. Часто здесь не аплодируют. В Сан-Франциско области Бэй – столице этого эксперимента – Джо Миллер, когда был жив, приходил и садился в первом ряду зрителей. В конце он вставал и возвещал: «*Йа Фаттах!*» («Открывающий») – одно из имен Бога у суфиев. И все подхватывали: «*Йа Фаттах! Йа Фаттах!*» Похоже, растущая потребность в таких вечерах объясняется их особым духовным содержанием, сравнимым с принятием пищи. Мы не хотим раздувать значимость этого феномена, но не стоит и недооценивать его. В минувшее десятилетие неожиданно возник огромный спрос на Руми в Америке и Англии, в меньшей степени – Польше, Германии, Франции, Финляндии, Тайване, Израиле и других странах.

Вечера *сэма* нового типа частично являются продолжением опытов, начавшихся в 50-е годы двадцатого века среди поэтов-битников (Beat Poets) в Сан-Франциско. Аллен Гинсберг, Кеннет Рексрот, Лауренс Ферлингетти, Гари Снайдер, а в 1960—70 годы – Роберт Блай, Этеридж Найт, Энн Секстон и другие пробовали разные сочетания музыкальных инструментов и звучащего слова, песни и пения. Дилан Томас привнес сюда отчетливую кельтскую окраску. Немалое влияние оказали и традиции Африки, индийского субконтинента и туземной Америки. Также внесли свой вклад и Леонард Коэн, Курт Кобэйн и Уильям Берроуз. Раскрываясь в планетарной культуре, мы нащупываем путь возврата в величественную область психики. *Сэма*, собственно сам суфизм и *зикр* (помяновение Бога) превосходят рамки религии, нации, культуры, затрагивая нечто более важное для человека – то, чем мы внимаем вестям от духа и откликаемся в ответ.

Если на улицах Америки провести опрос, интересуясь, какую поэзию люди предпочитают и хотели бы слышать: стихи о личном или трансперсональные строки просветляющей мудрости, – возможно, нам сказали бы: «Поосторожнее с мудростью. Мы не можем так уж много вместить в себя в один присест. А вот личностного – сколько угодно, его мы хотим побольше». Но в подобных отстраненных сессиях *сэма* вообще отсутствует личностный элемент. Большая

¹⁶ Aflaki (ум. в 1356 г.). The Feats of the Knowers of God, Translated by John O'Kane, London: Brill, 2002, p. 128. Шамсудин Ахмад аль-Афлаки был современником внука Руми. Его книга – один из трех наиболее ранних источников, подробно описывающих жизнь Руми и его окружения. – Прим. англ. перев.

часть публики, как правило, предпочитает один из трех вариантов звуковых представлений: первый составляет все, что касается внешнего, экзотерического, мира, в него входит все связанное с личностью и политикой. Другой – внутренний, теофанический и тонкий. Третий – онирический, герметический, чисто игровой. На представлениях такого рода публика сохраняет определенную дистанцированность гораздо в большей степени, чем те, кто погружаются в слушание на сессиях *сэма*.

Критики *сэма* усматривают в них уклонение от реальной работы, опасную легкость и утешительство. Эндрю Харви считает, что перед лицом наступившего апокалипсиса нам следует собрать всю решимость в кулак и энергично продвигаться к полной и безотлагательной трансформации. Нам не о чем спорить с братом Эндрю, нам близка его евангелическая убежденность.

Мы надеемся, что поэзия, музыка и слушание в конце концов разовьются в нечто более трансформативное. Кроме того, процесс, к которому призывает брат Эндрю, должен происходить отдельно с каждым индивидуумом. Подобные вечера ничуть не мешают этому. Возможно, они – нежащий сознание пух, экстатичный самогипноз, где уделяется слишком много внимания трансовым состояниям. Следует всегда помнить о важнейшей стороне личности Руми – его дисциплинированности и самоконтроле, – и в своем духовном путешествии опираться на жесткие факты. В отличие от наших текстов, стихотворение «Любовь приходит с ножом» не прочитаешь сладкозвучным голосом.

Мистический эффект *сэма* (когда таковой случается) состоит в способности языка увлечь за собой психику и понести ее в стремительном потоке. Дивные присутствия рождаются в результате в стихах и книгах. Именно в этом подлинная причина нашей горячей любви к книжным историям, поэзии и книге как таковой. Мы ищем в ней нечто иное, как дружбу с вечными и живоносными душами, и иногда обретаем ее. Речь идет не о принятии желаемого за действительное, а скорее о переживании. Джалалуддин Руми и Шамс Тебризи самым своим бытием способны рассказать нам о тайне, что была и пребывает поныне, – вот подлинное назначение слов.

В стихах – присутствию внимать,
Его произволенью подчиняясь,
Намекам, что приходят, отдаваясь,
И никогда начал не оставлять¹⁷.

Наиболее ясное и проникновенное толкование *сэма*¹⁸ принадлежит суфийскому мистику десятого века Халладжу, который связывает *сэма* с *илм* (мудростью). Он говорит: ты не способен войти в этот океан мудрости без слушания. Гнозис (*ма'рифат*) недоступен «без духа, и мира, и благоуханности» (*аль-рух ва аль-рах ва аль-ра'иха*). *Сэма* следует проводить с любовью, исходя из любви. И далее Халладж говорит, перечисляя ступени лестницы духовных состояний и условий, необходимых для их достижения: ты не способен обрести любовь (*махабба*) без жажды (*шаук*), или жаждание без восхищенности (*валах*), а без восхищенности не насладиться присутствием Аллаха. Билл Мойерс, славный и очень непосредственный парень, на телепередаче PBS спросил Колмана: что такое жаждание? Колман заговорил о золотом свете восходов

¹⁷ Руми. Цит. по: Unseen Rumi, p. 37. – Прим. англ. перев.

¹⁸ Литература о *сэма* как о свойстве внимания и ритуале может составить целый материк. Вот несколько «точек входа» для интересующихся: Al-Ghazzali: On Listening to Music. Translated by Muhammad Nur Abdus Salam. Chicago: Kazi Publications, 2002. Nasr, Seyyed Hossein. Islamic Art and Spirituality. Ipswich, Suffolk: Golgonooza Press, 1987. Racy A. J. Making Music in the Arab World: The Culture and Artistry of Tarab. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – Прим. англ. перев.

ранней весной, которые он видел ребенком в Чаттануге. Интересно, что он сказал бы, если бы Мойерс спросил его: «Колман, а что такое восхищенность?»¹⁹

¹⁹ Высказывание Халладжа приведено по эссе Карла Эрнста. Carl Ernst. The Stages of Love in Early Persian Sufism из сб.: Classical Persian Sufism: From Its Origins to Rumi. New York and London: Khaniqahi Nimatullahi Publications, 1993, p. 442. – Прим. англ. перев.

Рукописи

Видный иранский ученый Бади-уз-Заман Фурузанфар, составляя биографию Джалалуддина Руми, отыскал в Тегеране древнюю рукопись *«Маарифа»*. Она принадлежала профессору Али Акбар Деххода. В последней фразе манускрипта говорится, что список сделал аль-Мовлави аль-Кунави в 1549 году. Этот текст стал первой частью первого тома издания книги Бахауддина. В первом томе имеется еще две части, под списками – разные имена. Позже Фурузанфар передал факсимиле рукописи университету в Стамбуле. Рукопись состоит из трех частей, собранных в шестнадцатом веке тремя разными людьми. Новые тексты были найдены в библиотеке Айя София и в музее Коньи. Эти рукописи датировались первой половиной четырнадцатого века. Фурузанфар опубликовал первый том *«Маарифа»* в 1954 году (2-е изд., – 1974). В качестве основы он использовал рукописи шестнадцатого века, добавляя сведения из более ранних – для сравнения и коррекции. Текст первого тома оформлен в виде кратких главок и похож не на дневник, а на собрание поучений. Второй том, вышедший в 1959 году, опирается на более древнюю рукопись из Коньи и сохраняет форму дневника. Эта рукопись вполне может включать записи, сделанные Бахауддином собственноручно, а также заметки на полях, принадлежащие его сыну. По крайней мере, был проведен сравнительный анализ текста рукописи и почерка Руми и Бахауддина, которые весьма сходны, что говорит в пользу этого предположения.

У профессора Фурузанфара нет сомнений в том, что *«Маариф»* – это личные записи Бахауддина, его высказывания: везде прослеживается один и тот же яркий и отчетливый стиль. Он утверждает, что рукопись не является ни копией раннего списка, ни записями учеников, сделанными во время бесед. Важным критерием принадлежности авторства рукописи именно Бахауддину является вкрапление в текст сур Корана на арабском языке. Бахауддин хранил в памяти весь текст Корана. Совершенно очевидно, что у него не было надобности носить с собой Коран и искать нужные цитаты. *«Маариф»* – глубоко личные заметки о духовном странствии, неожиданные, разносторонние и волнующие. Фурузанфар и Анна-Мария Шиммель считают Бахауддина Валада²⁰ одним из создателей глубоко самобытного направления поэтической прозы на персидском языке.

Джон Мойн

Утопленная книга

(Избранное из *«Маарифа»*)

²⁰ Полное имя Бахауддина – Мухаммад бин Хосейн Хатиби Балхи; его также называли Бахауддин Валад, Баха Валад и Бахауддин. – Прим. англ. перев.

Похвалы неизъяснимому таинству, беседы с божеством, духовные видения, комментарии к стихам Корана, травяные снадобья, толкования снов, эротические эпизоды, памятки по ведению сада, записи бесед и наставлений для учеников, заметки об обрядах прошедших времен, мысли по поводу ценности работы, усвоение пищи как центральная метафора осознанности, советы разным людям, самокритика, космологические, метафизические, психологические рассуждения и другие материалы, не поддающиеся классификации

* Мы следуем традиции издания «*Маарифа*» Фурузанфара, где Первая и Вторая книги разбиты на фасли (главки) и каждый фрагмент текста предваряется словом *фасль*, написанным черными чернилами, с указанием текущего номера. Чтобы избежать затруднений, мы не использовали сквозную нумерацию глав Фурузанфара, а ввели более точную постраничную нумерацию. Так, 1:144—145 обозначает фрагмент текста Первой книги, начало которого на странице 144, а конец, на странице 145, а вовсе не главы с порядковым номером 144 и 145. – *Прим. англ. перев.*

** Возможно, читателю будут небезынтересны попутные комментарии Колмана Баркса, помещенные в конце книги и освещающие разнообразные дополнительные аспекты. – *Прим. англ. перев.*

*** Цифры в круглых скобках здесь и далее – отсылки к сурам Корана. – *Прим. англ. перев.*

Книга первая

Маариф 1:1

Синий плащ

Покажи истинный путь (Коран 1:6).

Мне было дано отведасть то, что дивно на вкус. Подобно молоку, отворяющемуся в груди, открываются врата. Я облечен в синий плащ, сотканный из шести направлений, с изображениями, плавно текущими по одеянию: тысяча разнообразных цветов, желтый жасмин, дикий ирис. Зеленые тропки сада, прекрасные лица на улице, я состою из этой красоты – эфирная эссенция, розовое масло, смолистый бальзам, жизненная сущность, я – мыслящий сок цветов.

1:2—3

Один из путей, коими вкушает Бог

В середине молитвы мне пришли на ум гурии рая. Говорят, они наполовину из камфары, наполовину из шафрана, волосы – чистый мускус.

Я вспомнил поговорку о том, чью голову пропитал стыд, а ноги увязли в праведности.

И я перебрал в уме свойства Бога: сострадание, великодушие, изящное коварство, просвещающая мудрость, милосердие, красота. Я был благодарен за то, что знаю вкус некоторых из этих свойств – в меру своей вместимости и даже чуть более того.

Я вижу длинный стол, застеленный скатертью. На нем – силы, свойства и создания, семь звезд, от которых исходит наше здешнее блаженство. Даже при моей неосознанности Бог входит в мое желание и душу вкусом этих свойств.

Я ощущаю, что *становлюсь* одним из способов, коими вкушает Бог.

1:4

Чаша видения, мое вино

Я предстою пред Богом, стенаю, убиваясь, возношу хвалу – в поиске новых путей выказать свою любовь – как песня, что исполняется сперва только под скрипку, потом под тамбурин и най – и затем в сопровождении всех трех инструментов.

Каждый миг эта чаша видения наполняется видениями. Вот мое вино. Я пью текущий миг, и в моих жилах, теле, голове – распускаются цветы. Это и есть здоровье. Все иные ощущения – болезнь и мертвечина.

1:8

Сон о дереве

Сидел, размышляя, что же мне делать, как вдруг получил такое откровение: «Открой свое сердце. Ощути близость к Богу. Смотри в себя. Направь сознание туда».

Подумалось: есть Бог, и есть я – две отдельные субстанции. Бог – слепящее таинство, я – снадобье из смеси смерти и горечи, которые необходимо выстрадать, чтобы достичь Бога.

Подобные мысли навевают на меня дремоту. Во сне я превращаюсь в дерево, погруженное в ночное безмолвие и укорененное в небытии. Когда я просыпаюсь, дерево протягивает ветви и листья вперед. Возвращается способность видеть, двигаться. Пробуждается ощущение сердца – словно множество цветов распускается на ветвях. Молитва расцветает и приносит плод, а небытие – вкус слов у меня во рту.

1:10

Благоухание незримого цветка

Я вижу сущность бытия в том, чтобы жить, – это как вода, текущая сюда из незримого, затем обратно. Мои чувства знают: они из ниоткуда и уйдут в никуда.

Мне ведом один шаг: из бытия в ничто и из небытия сюда. Глубоко вникая в свои чувства, я открываю *в них* путь к Богу и цель жизни.

Взгляни на этот удивительный цветок —
Его нельзя узреть.
И все же
Его благоухания не скрыть.

Бог – незримый цветок. Любовь – аромат цветка, и он ощутим повсюду.

1:14—15

Утренние приветствия

Каждое утро спозаранку я – в мечети. Входящие обмениваются приветствиями: *«Мир Богу! Богу мир!»* Затем совершают полное простираание передо мной. Я знаю, что делает Господь: творит мою душу, и она являет людям такую красоту, что в них возникает желание прославить Его искусство.

Даже если они видят мое лицемерие, противоречивые чувства, любовь к лести – все равно за всем этим они ощущают внимание, уделяемое мне Богом. Я благодарен за то, что душа моя порой испытывает влечение к единению с другими душами и вслед за тем отделяется от них. Я вижу в этом действие закона сотворения душ с захватывающими возможностями для обретения понимания.

Приходят образы того, как это происходит. Одни люди среди вечных льдов, другие – в тропиках. Океаны, глубокие пустынные ущелья, лесистые долины – всё в гармонии с «Тем, кто не имеет соучастника». В чистой радости поют и танцуют одни, в неизмеримой скорби застыли посреди кровавой бойни другие. Дерево оцетинилось колючками: зависть, низкая месть. А белые цветки жасмина распускаются, отцветают и роняют в дар самих себя.

Почему нам явлено это? Чтобы мы могли воспринять данность целого. Бездна и скорбь я приемлю как явленную милость и с приветом встречаю избавление от боли. Так мы продвигаемся в познании: нам является и мы получаем хорошее и плохое, возрастая в любви к тому и другому.

1:27—29

Кипящий горшок

Господи, Ты даруешь могущество (12:101), молвил я Господу, но власть на земле пуста в сравнении с тем, что явлено в незримом.

Ты научил меня толковать предания (12:101). И Ты учишь меня, как понимать истории, которые разворачиваются передо мной и достигают моего слуха во сне. Сплю или бодрствую – я живу всецелой жизнью.

Творец небес и земли (12:101), Ты отделяешь мирское от возвышенного и поднимаешь завесу, чтобы я мог присесть и насладиться двумя мирами.

Я обретаю убежище в обоих (12:101). Два мира принадлежат Тебе, но мне довелось полюбить иной, следующий, что ныне незрим. Отними у меня этот, явленный. Устал я ждать грядущей жизни.

Что делать мне на перепутье? Куда влечет меня сердце? Не изведать ли круг здешних удовольствий, расслабиться и отдохнуть в лоне своего тела, наслаждаясь интенсивностью переходящего? То и другое дано мне. О чем бы я ни говорил, – это только поминание Господа.

Помышляя о человеческой душе, я представляю кипящий котел, в нем неумное брожение, сплошное замешательство. Наслаждение исходит от Тебя. Небытие следует за бытием, а потом вновь бытие, взлелеянное и вскормленное Тобой (11:6).

С неодолимым трепетом молю о путеводительстве и близком общении. Ты даешь мне все это с присущим Тебе юмором. Прошу об утолении своего плотского желания. Ты даруешь мне и исполнение и в придачу сам источник желания. Когда я испытываю голод, я прошу у Тебя пищи. К кому еще мне идти? У кого искать работу?

Я иду к Твоей двери, чтобы с Тобой провести время. Мы гуляем вместе. Пять раз на дню в молитве я прошу Тебя принять мое почтение, и, пожалуйста, блюди мое тело в трепете новыми милостями и плотскими удовольствиями.

Не всегда я вижу чудесное вокруг себя, иногда, в полосе невзгод, подхожу к Твоему порогу уставший и измотанный жизнью. Но в любом расположении духа я бреду только к Тебе.

1:29

Сладость в отдаленности

Моменты жизни приходят от Тебя: видение, форма, понимание, ум, душа – всё. Почему бы мне не сказать прямо? Отчего, находясь в Твоем присутствии, не прижать свои губы к Твоим? Хочу всем телом ощущать Тебя, впивая. Почему нет?

Откровение в ответ: *твои слова – лишь слова, а не событие. Впусти в свою просьбу непосредственный опыт.*

– Но ведь со мной общаются как с минералом, пылинкой, носимой ветром, что лишена и ощущения Тебя и знания себя. Тут я погружаюсь в спокойствие, чтоб ощутить и славу, и любовь.

Другое откровение: *Я являю Себя помалу. Пей Меня небольшими глотками.*

В нашей отдаленности – такая сладость. Что будет, если быть поближе?

1:34—35

Неуклонный рост

Внутри и вне тела я вижу чистые холодные ручьи возле цветов, а когда умру, тело найдёт путь возврата в них и в нежный воздух вокруг. Семена наших душ приходят из незримого, — и вот мы здесь, произрастаем и увядаем, свертываясь в семя. Мы умираем. Новые семена ложатся в почву незримого, и каждое даёт свои всходы возле воды. Бог питает эту неуклонность.

Коран (64:14) напоминает нам, что среди наших близких могут быть недруги. Остерегайся, и помни, что, простив оскорбления и предав их забвению, ты помогаешь милости расторгнуть злобу.

1:42

Прощение и побуждение

Чтобы узнать, прощен ли совершенный грех, загляни в себя и посмотри, живо ли в тебе побуждение вновь совершить его. Если да – он не прощен. Молись, чтобы побуждение исчезло.

1:49—50

Лепешки на столе

Если у кого нет ни грана милосердия к другим, – его обойдет милость. Если творишь явную несправедливость постороннему, – доставляешь себе то же самое и хуже. Любая забывчивость, низость в поступках – возвращается. Ты возлагаешь на себя бремя, которого тебе не вынести. Ты не настолько силен. Проклятие безрадостных, бесцельных блужданий годами будет преследовать тебя, пока не набредешь на то, что было твоим первым прибежищем, твоими яслями.

Конь входит в пещеру, полную львов. Тебя затягивает жажда любовных утех. Искусство. Богатство. Придет время, когда твоя жизнь канет в пустоту (76:1), но было ли когда, чтобы люди оставались без опеки? Тысячи лет мы были лишены индивидуальности, но все же ухитрились попасть в этот удивительный миг – жизнь светлой осознанности. Кто дал нам эту неумемную жажду *знать* и *быть*?

В печи матки ты был сырым комком, выпекаемым для длинного стола мирского пира. Ты не осознаешь ни этого процесса, ни того как искусно тебя привели в этот благоуханный, щедрый мир. Хлебные лепешки не знают столько, сколько известно пекарю и даже тем, кто их вкушает.

Тебе дано воспринимать то, что открыто твоему взору, и желать самоотдачи, а не властного обладания. Вот важнейшие вехи самопознания, такие же ясные и определенные, как и то, что неорганические вещи, подобные камням и кускам металла, не могут видеть. Это – как дух в тебе и существа, живущие в духе. Ты не можешь их видеть, не ведаешь их обстоятельств и целей.

Мы знаем так мало, и дары нам даны не за наши заслуги. Мы восстаем из праха, переживаем краткую невзгону и триумф и падаем обратно в прах. Абсолютная глупость и дьявольская надменность праха – подвергать сомнению Божью справедливость, или здравый смысл существования, или всеобъемлющее сострадание. Будь благодарен за все, что переживаешь, за оскорбления и унижения, даже за дурацкие нелепости. Благодарите за то, что божественное присутствие – это познание за пределами нашего понимания, и еще за то, что этот разумный поток знания питает все существующее.

1:52—53

Ночное бдение

Тьма была дана как ночная рубашка для сна (25:47). Помни, как люди обрели плоть и кровь из воды и праха и густых смол, растопленных на огне для создания костей. Затем душа, божественный свет, вдуновением вошла в человеческую оболочку. А теперь наше дело помочь собственным телам стать чистым светом. Может показаться, что этого не происходит. Но в коконе шелкопряда каждая частица слизи, выделенная червем, обращается в шелк. Когда мы вбираем свет, каждая наша частица обращается в шелк.

Мы сделали ночь тьмой, но во мраке рождается заря. Точно так же твой могильный холм процветет воскресением. Суфии и идущие по пути сердца пользуются тьмой, чтобы уходить в себя. Во время ночного бдения вся вселенная принадлежит им (40:16). И цари, и султаны, и их мудрые советники спят; все они остаются без работы – кроме немногих бодрствующих и божественного присутствия.

1:62—63

Ниже сада

Кто-то спросил, отчего пророков, детей Божьих, постигают бедствия и невзгоды. Я ответил, что сердце отпирается ключом страдания и в этом великое благо. Боль и трудности – как весенние грозы: сверху – покров тьмы, под ним – цветы и смех. Видимый мир – обитель невзгод, ущемляющих плоть и животворящих душу.

Община смертных страдает – а потом взыскует убожания тела. Их питает уныние перевернутого видения. Посмотри, как глубоко в собственной почве – в тайне своего сердца скрыт дервиш – бесконечно блаженный в цветущем саду роз, чьи стены осыпаются и вновь восстают – даже стеною их не назовешь. Живущие вне сердца подобны тем, кто окружает свои владения безупречной каменной кладкой с великолепными, слепящими, как снег, выверенными гранями. В пределах этой крепости прекращается рост и увядают цветы.

У преданности два крыла, на каждом много перьев. Одно перо – блаженство от пятикратных молитв, другие – блаженство от поста, от выплаты религиозного налога, от семейных забот и других, принятых на себя обязанностей. На другом крыле – перья крепости. Одно из них – способность к различению, – это чтобы избегать дурной компании. Другое – решимость отгонять тех, кто наносит вред общине, и защищать близких от опасности.

1:64—65

Ожидание

Мы даровали тебе победу (48:1). Нежная вода, прорываясь на поверхность, взламывает гранитные плиты. Удар кремня о кремень высекает огонь, так и скорбящий взыскует более глубокой любви. Зеленые ростки, которые нас питают, выбиваются наружу из плотного глинозема. «Мы произрастим из тебя сад». Что ты увидел такого, что навяло на тебя уныние?

Ничто не реально, кроме Бога (2:255) – выражение единства. Откройся этому. Отбрось детские фантазии и пытливость ума. То, что страшит тебя более всего, *уже* случилось. Скорлупа, что содержит тебя, уже дала трещину.

Что, если кто-то предлагает хлеб, а потом забирает его? Иногда отец показывает золото и серебро своим детям – и убирает монеты. Они хотят получить подарки немедленно. Но отец сохраняет их до свадьбы. Отдай он их сейчас, – дети все растратят, а потом будут сожалеть и стыдиться. Внутри хлопкового семени Бог скрывает прочное полотно, которое мы пускаем на шатры. Гладкий шелк таится в коконах червей. Если бы воры – глупцы и недоумки – украли семена хлопка и шелковичных червей – какая им была бы от этого польза?

1:66

Ржавчина

Бог положил печать на их сердца (2:7). Запечатанность – закрытое состояние – все равно, что ржавчина на зеркале. Зарой зеркало в землю – коричневый налет покроеет его поверхность, и свет не сможет отразиться в нем.

Ты зарыл зеркало сердца в груды мирского мусора, и его долго точила непогода. Образы вечности, которые оно призвано запечатлевать, теперь утрачены.

Лень и небрежность ржавчиной ложатся на сердце, и оно лишается способности отражать окружающую красоту. Так, неспешно нарастают последствия того, что мы совершаем и чего не совершаем.

1:82—82

Фермерский труд и внимание к дружбе

Я сказал незрелому Фахрудину Рази, простоватому Хорезмшаху – правителю и другим нерадостным философам: «Вы избрали себе путь, уводящий от красоты цветов и покоя, и уверенно направляетесь прямо во мрак». Вы закрываете глаза на очевидные чудеса ради тумана и химер. За вас решает ваше ложное «Я», самость. Вы сбиты с толку и остановились, но мудрости ведомо, что этот материальный мир – дверь к духу. Тут необходимо предпринять особые действия и особое внимание уделить дружбе.

Мы живем в таком месте, где сами по себе растут лишь тернии и ядовитые растения, а плодоносящие деревья, розы, овощи необходимо культивировать. Эта требующая прилежания работа садовника – добродетель. Фахруддин и Хорезмшах иного мнения. Они как саранча (54:7) – налетают и пожирают посевы вместо того, чтобы способствовать их росту. Подобно Мухаммаду (74:1), я облечен в одежду плоти, меня скрывают панцирь груди и маска лица – великолепная оболочка предметного мира, из которой я вырастаю навстречу иной, неведомой пока судьбе. Знаю лишь, что должен прожить эту жизнь сполна, чтобы попасть в следующую.

1:89

Подвешенный

Недавно человека из Индии, упивающегося собственным красноречием, спросили:
«Как ты видишь нашего Бахауддина?» ни на земле, ни на небе, в лучах исходящего от него света».

«А как ты видишь тех из нас, кто внимает ему?»

«Как цыплят, клюющих у его ног».

Это правда, что моя любовь к Богу услаждает мою плоть. Просветленность ощущается мной точно так же, как чувственное влечение, когда оно наливает силой мои члены и органы.

1:92

Пути сущности

Теперь я хочу пронаблюдать природу этого жизненного потока, текущего через различные формы, которые и есть – мы. Сущность познаваема лишь в живых проявлениях. Нередко людей ослепляет блеск внешнего – ведь в этих свойствах светится суть. Я не имею в виду ощущение себя здоровым или больным. Свежая зелень, новая дружба, открытия, впечатления, соприкосновение с водой, блаженное ощущение своего тела и предвкушение блаженства – вот области, где процветает сущность. Как узнаём мы о чьем-то присутствии, как человеческие жизни запечатлеваются в теле, как душа приемлет руководство собой и соглашается взять на себя работу, ей порученную? Старайся глубже осознать эти жизненные возможности – и будь счастлив.

1:103—104

Влечения

Когда ты любишь Бога – Бог любит тебя (3:31). Можешь ли ты сказать, что утолил свою жажду в удовольствиях дружбы или чувственном трансe желания? Совет Мухаммада: расширься, растворясь в высшей любви.

Если говоришь, что нашел это расширение в дружбе или желании, – ты лукавишь, хотя люди и в самом деле сгорают от желания и бледнеют от одной мысли, что утратили любимого.

Наши влечения вскармливаются – они должны жить, *чтобы мы любили*. Такова всеобъемлющая страсть, внутри которой вершат свой танец все иные влечения. Цель вплетена в желание, ищущее абсолютного удовлетворения.

1:110—111

Призыв к наслаждению

Призыв к молитве приходит к нам извне. Он доносится с улицы. Другие призывы приходят изнутри – животные энергии, различные желания и даже наше тяготение к чистоте ангелов. Я замечаю, что каждая часть моего тела и сознание готовы воспринять любое из этих влечений. У меня их больше чем достаточно, потому что я *прошу* о большем. Они приходят как дары. Когда чувственное влечение удовлетворено, все мое тело ощущает довольство и покой. Взгляд на красивую женщину дарует огромное наслаждение. Почему люди приходят от этого в смущение? Ведь все, что им надо сделать, – это жить в любви присутствия. Я верен этому – и путь удовольствия и удовлетворения был открыт мне. Существует много путей. И одни совершенно не похожи на другие. Мой – предназначен именно для меня, и он дарует неопишемое блаженство. Мир, которым я вижу, даже более прекрасен и приятен, чем видимое, обычно воспринимаемое как данность. Многие хотят быть, как я, у меня же нет желания быть, как они. Это доказывает только то, что моя жизнь отличается тонкостью. А Бог знает лучше.

1:116

Дружеская дерзость

Я вдруг осознал, что чем дружнее я с кем-то, тем более дерзким становлюсь с ним. Обходительность предназначена для посторонних, а с другом нет нужды таиться, нет причин сдерживаться.

Подумайте об этом. Нет друга ближе Друга. Никто не примет более неистового поведения, чем Он, нет никого, кто готов так терпеливо и даже охотно мириться с дерзостью и приставаниями. Невольная метафизическая шутка способна ожесточить или даже довести до белого каления, – все это спокойно приемлет лоно Дружбы.

1:128—129

В каждом

Я задумался, как может каждое живое существо ведать о божественном, не имея в себе хотя бы его крупинцы? Как создания находят покой и радость?

Пришел ответ: все исходит от Меня. Я в каждой милости, спутнике, невзгоде, похоти, беседе друзей, переданном на ушко секрете, пряном запахе базилика, предопределенности и изменчивой природе твоих «хочу», молитве, любви – все истекает *отсюда* и возвращается *сюда*. Лист, стебель, чашечка цветка, воздействие и последствия – все сны возвращаются к пробуждению.

1:129—130

То, что я сейчас записал

Люди вкушают благодать и вкус вина вечности, потому что изначально несут это в себе, ведь они способны различать неискренность и очищать себя от нее и других побуждений, губительных для любви. После чего, пресытившись формами – внешней видимостью творения, они начинают томиться по его источнику.

Такого человека ничто не страшит, он не стремится получить награду или избежать наказания как в этом мире, так и на том свете. Он ничего не осуждает и не оправдывает, его единственная пища присутствие Друга, ощущение и памятование этой близости. Когда он или она умирает, его телесные органы прекращают свою работу, и подлинное «Я» исполняется любовью и мертвеет для всего человеческого, чтобы жить в Боге.

Я молюсь о том, чтобы только что написанное стало истиной и для меня. Пусть любящий и возлюбленный живут здесь, в одном месте – в моем сердце. Я пишу это – и ощущаю, что прозреваю Друга. Написанное входит в меня – подобно невесте, украшенной жемчугами, которые переливаются светом любовного чувства и сердечности.

1:130

Заточение и присутствие

Спрашивают, можно ли обрести радость присутствия в заточении? Я в ответ: Иосиф, сын Иакова, испытал это, позволив истине просвечивать сквозь него в любых невзгодах. Когда хороший человек делает что-то против своей природы, это сильно мучает его. Он испытывает глубокое беспокойство. Да будет он благодарен за свое раскаяние и страдания, причиненные себе и другим, и даже за то смущение, в котором ему приходится признавать совершенную ошибку. Он рыдает, чтобы очиститься. Пусть этого плача и любви к Богу будет достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.